

POLITYKA HISTORYCZNA

MARIA DOMAŃSKA

Osrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia (OSW)

ORCID: 0000-0002-6821-0990

**Миф Великой Отечественной войны
как инструмент внешней политики России**

The myth of the Great Patriotic War as a tool of Russia's foreign policy

The sacralised Soviet victory over Nazism is a central element of the politics of memory, as utilised by the Russian state today. It constitutes an important theme in the Kremlin's ideological offensive that is intended to legitimise Russia's great-power ambitions. The messianic myth of saving the world from absolute evil during the World War II is supposed to cover up the darker chapters of Soviet history and to legitimise all subsequent Soviet or Russian wars and military interventions, starting with Hungary, through Czechoslovakia and Afghanistan and ending with Ukraine and Syria. According to the current neo-Soviet interpretation, all these military actions were purely defensive and justified by external circumstances. The glorification of the "Yalta order" and the justification of the use of force in foreign policy is intended to legitimise Moscow's pursuit of its current strategic aims, first and foremost of these being hegemony in the post-Soviet area and revision of the European security architecture.

Keywords: Russia, history, authoritarianism, foreign policy, ideology

**Mit wielkiej wojny ojczyźnianej
jako instrument polityki zagranicznej Rosji**

Sakralizacja sowieckiego zwycięstwa nad nazizmem stanowi centralny element rosyjskiej polityki historycznej. To również istotny wątek w ofensywie ideologicznej Kremla obliczonej na legitymizację współczesnych ambicji mocarstwowych Rosji. Mesjanistyczny mit zbawienia świata od absolutnego zła podczas II wojny światowej ma wybielać bądź unieważniać ciemne karty historii Związku Sowieckiego. Jego funkcją jest też legitymizacja wszystkich późniejszych wojen toczonych przez ZSRS i Federację Rosyjską, łącznie z interwencjami wojskowymi na Węgrzech, w Czechosłowacji lub Afganistanie, agresją przeciwko Ukrainie

i interwencją w Syrii. Zgodnie ze współczesną neosowiecką wykładnią miały one charakter defensywny i były uzasadnione zewnętrznym kontekstem. Gloryfikacja ładu jałtańskiego i usprawiedliwianie użycia siły w polityce międzynarodowej mają służyć legitymizowaniu współczesnych interesów strategicznych Moskwy. Należą do nich przede wszystkim dążenie do hegemonii na obszarze posowieckim i przebudowa europejskiej architektury bezpieczeństwa.

Słowa kluczowe: Rosja, historia, autorytaryzm, polityka zagraniczna, ideologia

Начиная с 2014 г. как цели, так и инструменты внешней политики Российской Федерации стали ключевыми с точки зрения системы европейской безопасности. Как показали последние годы, Россия во все большей степени использует исторический нарратив с целью легитимизации своих великодержавных амбиций на международной арене. На первый план в этом нарративе выдвигается тема победы в Великой Отечественной войне. В канун 75-й годовщины окончания войны является необходимым проанализировать суть использования военной мифологии в российской внешнеполитической игре. Нынешняя статья сосредоточена на вопросах выстраивания идеологического нарратива российской властью; тема его восприятия заслуживает отдельного исследования.

Анализ факторов, определяющих логику российской игры, требует применения теории конструктивизма, согласно которой международные отношения во многих аспектах формируются в силу не столько материальных, сколько социокультурных обусловленностей. Поведение государства на международной арене является в большой степени результатом его самовосприятия как международного игрока. Как собственный образ, так и роль во взаимоотношениях с другими субъектами, то есть международная идентичность государства, формируются на основании определенного набора идей и ценностей, символических нарративов, политической и стратегической культуры.

Внутриполитические детерминанты российской внешней политики

Понимание российской политической элитой задач и инструментов внешней политики государства обусловлено природой нынешнего авторитарного режима, продолжающего длинную традицию недемократических форм правления в России. Наиболее важным элементом

авторитарной системы является вертикальная, иерархическая структура государственного управления. Процессы формирования внешней политики проходят в непубличной сфере и осуществляются узким кругом лиц, среди которых ведущую роль играют выходцы из советских спецслужб. Отличительной чертой их подхода является желание спроецировать элементы российской авторитарной модели на международную среду. Подобным образом, отношение российской элиты к международному праву отражает ее отношение к государственным законам, трактуемым Кремлем как гибкий инструмент удержания политической власти. Москва стремится в одностороннем порядке установить примат своего внутреннего законодательства и собственной политической воли над международными соглашениями, что предполагает произвольный и избирательный подход к последним. Из-за интересов авторитарного режима Россия пытается прежде всего подорвать роль международных институтов, основанных на идеях либеральной демократии и прав человека. Особенностью отношения Кремля к международной политике является также восприятие внешней и внутренней политики других стран через призму российских внутриполитических реалий, в которых общество (социум) не рассматривается как полноправный субъект политики, а скорее как объект влияния и манипуляций.

Философия внешней политики России обусловлена также исторической и культурной спецификой российского авторитаризма. Наиболее важным фактором, формирующим логику восприятия кремлевскими политиками роли и задач внешней политики, а также выбора ее инструментов, является комплекс неполноценности как следствие „фантомных болей” после распада Советской империи. Тяжелое и долгое прощание с империей не является уникальным опытом России. Однако особо травматическое восприятие этого прощания является результатом, с одной стороны, континентального характера империи, который дополнительно усложняет поиски новой идентичности, а с другой – серьезных барьеров для экономического развития, углубляющих комплекс неполноценности. В силу проблем с конструированием российской национальной идентичности („национальной идеи”¹), правящая элита в эпоху Путина решила опереть свою легитимность на возвращении к традиционной матрице

1 В 1996 г., в ответ на обращение президента Бориса Ельцина, „Российская газета” объявила конкурс на „национальную идею” – привлекательный нарратив, основанный на общих ценностях, который смог бы объединить всех россиян. Однако как та, так и другие попытки построить такую „идею” потерпели неудачу.

международной идентичности России как великой державы, находящей понимание и поддержку в обществе.

По мнению Кремля, критериями великодержавности являются военная мощь (в случае России – в основном ядерный потенциал), геополитическое влияние и геостратегический потенциал вместе со статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН (включая право на вето). Выдвижение ядерного потенциала на передний план в качестве ключевой детерминанты международного статуса России означает готовность поднимать ставки в международных переговорах до уровня запугивания и шантажа. При таком подходе на второй план отодвигаются критерии, относящиеся к сфере сотрудничества, в том числе инвестиционная привлекательность или „мягкая сила” – способность государства приобретать союзников и расширять свое влияние благодаря привлекательности культуры, политики или идеологии.

В великодержавно-имперском мышлении, основанном на таких элементах, как территориальная экспансия, „стратегическая глубина” и конкуренция за сферы влияния, ключевым является образ врага, формирующий самовосприятие государства в международной среде. Категория врага является одним из стержней мировоззрения, которое предполагает видение международной политики как игры с нулевой суммой и свойственно также „чекистскому” менталитету российских правителей². Кремль анализирует международные отношения в соответствии с парадигмой „столкновения цивилизаций” и войны спецслужб, в рамках которой международная политика является пространством не столько мирного сосуществования, сколько борьбы за разные модели идентичности и внутренней организации государств. В этом контексте ключевым фактором выбора „врага” как отправной точки для конструирования собственной международной идентичности является убеждение, что распад советской империи был результатом происков Запада (главным образом – США). С российской точки зрения Запад и ныне стремится продвигать (в том числе и силовыми методами) собственную политическую модель (либеральную демократию) в ущерб интересам России. В силу такого восприятия сути международной политики российская

2 Подробнее о менталитете и политической культуре российской элиты власти, см.: M. Domańska, *Conflict-dependent Russia. Domestic determinants of the Kremlin's anti-Western policy*, OSW Point of View, 6 XI 2017 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/point-view/2017-11-06/conflict-dependent-russia>>.

авторитарная система постоянно пытается укрепить свои защитные механизмы. Отношение Москвы к западному политическому мейнстриму характеризуется имманентной подозрительностью и подчиняется всеобъемлющей цели: любой ценой сохранить авторитарную власть внутри страны и укрепить международные позиции России на ее собственных условиях. Частью этого подхода является стремление обеспечить собственную безопасность, не принимая во внимание безопасность других.

Одним из инструментов легитимизации такого подхода к международной политике и собственной идентичности, а заодно – выстраивания своеобразной „мягкой силы” России на международной арене, является авторитарная историческая политика.

Восприятие „коллективным Кремлем” сути и задач исторической политики

Российская историческая политика состоит из совокупности идей и действий, направленных на формирование коллективной памяти и исторического дискурса в соответствии с политическими интересами авторитарного режима. Особо важной ее задачей является легитимизация авторитарной модели власти как единственной пригодной для России. Историческая политика приобретает особое значение в моменты, когда уменьшается влияние других факторов легитимности: экономических, политических, социальных, международных.

Консолидация российской исторической политики в ее нынешнем виде³ произошла в течение третьего президентского срока Владимира Путина (2012–2018). Он возвращался на президентскую должность в условиях замедления экономического роста и под аккомпанемент массовых политических протестов в Москве. В дальнейшем последовали другие вызовы: украинская „революция достоинства” (рубеж 2013–2014 гг.), которую российская правящая элита интерпретировала как непосредственную угрозу своей власти; санкции ЕС и США, введенные в ответ на вооруженную агрессию России против Украины; финансово-экономический кризис в 2014–2016 гг.; и, наконец, прогнозы долгосрочно-го экономического застоя, а также нарастающее с 2018 г. недовольство

3 О ее более ранних стадиях, см.: O. Malinova, *Tema prošlogo v ritorike prezidentov Rossii*, „Pro et Contra”, май–август 2011, электронный ресурс [дата обращения: 10 I 2020]: <https://carnegieendowment.org/files/ProetContra_52_106-122.pdf>.

и увеличивающийся протестный потенциал среди обедневшего населения. Специфика российской политической и экономической модели⁴, не позволяет найти прочные основы для легитимности правящей элиты посредством экономического развития и повышения уровня жизни населения. Налицо идейная пустота путинского режима, который не в состоянии создать привлекательный проект будущего.

В этих условиях Кремль решил заменить внутреннюю легитимизацию легитимизацией внешней, а проект будущего – реанимацией проекта прошлого. Его стержнем является неосоветский идеологический и символический нарратив, в том числе историческая политика, непосредственно апеллирующая к советской матрице восприятия российской истории. Она должна, с одной стороны, легитимизировать агрессивную внешнюю политику в глазах российского общества, а с другой – обосновывать великодержавные амбиции Кремля в глазах международного сообщества. Устремленный в прошлое язык истории замещает язык политики, так как полноценный политический дискурс, в рамках которого конкурируют разнообразными идеи и проекты будущего, в России давно отсутствует.

Советская матрица исторического нарратива была выбрана по нескольким причинам. Во-первых, из-за хронологической близости СССР, обладающего статусом сверхдержавы. Во-вторых, из-за возможности черпать из выработанного символического ресурса, близкого многим россиянам. В-третьих, такой выбор отвечал интересам и менталитету ключевых бенефициаров путинизма: бывших советских офицеров спецслужб, сформировавшихся в условиях конфронтации с Западом времен холодной войны и восстанавливающих советскую философию авторитарной власти на внутривнутриполитической арене (в том числе через усиливающиеся политические репрессии и последовательное ограничивание контактов российского гражданского общества с Западом).

Из-за авторитарной философии власти и политической культуры России, отвергающей принципы диалога и компромисса, исторический нарратив является сильно идеологизированным. На самом деле историческая политика стала заменой государственной идеологии, запрещенной российской конституцией, а даже частью государственной пропаганды. Официальный исторический дискурс стремится к монополии на

4 Подробнее о российской политической и экономической модели, см.: M. Domańska, *Putinism after Putin. The deep structures of Russian authoritarianism*, OSW Studies, 25 X 2019 [дата обращения: 20 VI 2020], электронный ресурс: <<https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-studies/2019-10-25/putinism-after-putin>>.

истину: российские власти последовательно ликвидируют плюрализм в публичных дискуссиях о прошлом. При таком подходе „история” – это скорее набор мифов, податливая глина, из которой можно слепить любое повествование. Эта глина приобретает желаемую форму благодаря классическим способам искажения исторических фактов: упущению (выборочному умалчиванию некоторых неприятных фактов), фальсификации (отрицание того, что произошло, сопровождается утверждением о том, чего никогда не происходило), преувеличиванию и приукрашиванию, манипулированию причинно-следственными связями (сосредоточиванию внимания на одной из причин в обход других), а также обвинениям в адрес врагов (подчеркиванию предполагаемой вины и несправедности врагов, „других”, и приписыванию им своих собственных злодеяний) или в адрес „объективных” обстоятельств⁵. В политической культуре, которая не знает и не ценит консенсус, эти механизмы особо утрированы и ведут к тому, что история является проблематичной и „принципиально непредсказуемой”⁶. Исторические факты и их интерпретации подчиняются текущим политическим интересам лиц, принимающих решения в Кремле. При этом упомянутые частные (и корпоративные) интересы отождествляются официальной пропагандой с интересами государства. Как указал российский министр культуры Владимир Мединский, „взвешивание на весах национальных интересов России создает абсолютный стандарт истинности и достоверности исторического труда”⁷.

Ресоветизация исторической политики во многом означает придание ей сильного антизападного характера, что коррелирует со стратегическими интересами Кремля в области внешней политики. Среди них наибольшее внимание уделяется: обеспечению гегемонии России на постсоветском пространстве; переустройству европейской системы безопасности в соответствии с интересами Москвы (что означает маргинализацию роли НАТО, которую Кремль рассматривает как главного врага и угрозу выживанию России, создание буферной зоны безопасности в Центральной Европе и обеспечение фактического права Москвы

5 Классификация Роя Баумейстера и Стивена Гастингса, см.: J. Kłasiński, *Muzea historyczne – pomiędzy pamięcią zbiorową a polityką pamięci historycznej*, „Zarządzanie w Kulturze” 2013, 14, z. 3, s. 202.

6 *Dokład Vol'nogo istoričeskogo obščestva „Kakoe prošloe nužno budušemu Rossii”* 2017, s. 3, электронный ресурс [дата обращения: 10 I 2020]: <<https://komitetgi.ru/analytics/3076/#2>>.

7 *Ibidem*, s. 11.

на вето в процессе принятия решений по европейской безопасности); ограничению присутствия и влияния США в Европе, а также достижению максимальных выгод от экономического и политического сотрудничества с Западом без уступок со стороны России.

Одним из инструментов легитимизации великодержавных интересов России Кремль считает использование мифологизированного нарратива о Второй мировой войне (1939–1945) и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., включая ее центральный элемент – победу 1945 г. (Победу – писанную с большой буквы). На внутривнутриполитическом уровне это практически единственное историческое событие, объединяющее россиян. Таким образом, оно позволяет частично преодолевать атомизацию общества, унаследованную от советской эпохи, а также обеспечивать мобилизацию электората вокруг авторитарной власти. Другой надежной опоры для коллективной идентичности в истории России практически нет.

Основные элементы нарратива о войне в контексте внешнеполитических интересов России

В процессе конструирования мифологии войны с учетом приоритетов современной внешней политики России на первый план выдвигается сакрализация Победы, открывшей СССР путь к статусу сверхдержавы, отличающаяся сильной нотой мессианства. Советский Союз изображается как государство, которое выполнило особую эсхатологическую миссию, спасая мир – чуть ли не самостоятельно – от абсолютного зла. В этом мессианском мифе встречаются образ победителя (представляющий силу) и образ жертвы (символизирующий невинность). Потеря СССР более 20 миллионов граждан во время войны призвана опровергнуть заявления соседних стран о том, что они стали жертвами имперских амбиций СССР в XX в. Российская историческая политика отражает типичный подход недемократических государств к истории. Он основан на двух ключевых элементах: во первых, на укреплении только тех аспектов коллективной памяти, которые связаны с ущербом, нанесенным «нам» другими народами; во вторых, на отрицании тех элементов коллективной памяти, которые относятся к вреду, причиненному собственным гражданам⁸.

8 E. Langenbacher, *Collective memory as a factor in political culture and international relations*, [in:] E. Langenbacher, Y. Shain (ed.), *Power and the past. Collective memory and international relations*, Georgetown University Press 2010, с. 37 [пер. М. Д.].

Язык исторического дискурса, с одной стороны, апеллирует к религиозной сфере (любые дискуссии, которые подрывают „каноническую” версию событий, считаются кощунственными), а с другой – к светским законам. „Попытки пересмотра взглядов на историю России, её роль и место в мировой истории” определяются в *Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* как оказывающие „негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры”⁹. Принятая в 2014 г. новелла Уголовного кодекса Российской Федерации ввела уголовное наказание (вплоть до лишения свободы) за „распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично”, а также „распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично”¹⁰.

В рамках этой логики Россия последовательно борется со всеми проявлениями критики в адрес советской внешней политики, как довоенной (пакт Молотова-Риббентропа, ответственность СССР за развязывание войны), так и периода 1939–1945 гг. (нападение на Польшу, страны Балтии и Финляндию, массовые убийства польских военнопленных, а также репрессии – как против советских граждан, так и против жителей аннексированных земель). С целью противостояния чужим нарративам Москва искажает либо в открытую фальсифицирует историю. Наиболее выразительным примером таких действий является пропагандистский нарратив о Катынском расстреле (так называемая „анти-Катынь”), в рамках которого это преступление все чаще представляется как „справедливая месть” за мнимые массовые расстрелы советских военнопленных в Польше в 1919–1920 гг.¹¹

В российском официальном повествовании „освобождение” – это единственное, что советские войска принесли в соседние страны в 1944–1945 гг. В течение многих лет Москва продолжает протестовать против

9 *Strategiã nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda*, 13 V 2009 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<http://kremlin.ru/supplement/424>>.

10 *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, stat'ã 354.1. Reabilitaciã nacizma (vvedena Federal'nym zakonom ot 5 V 2014 N 128-FZ)*. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/>.

11 Пропагандистская акция основана на тезисе о „массовых убийствах” (в то время как основной причиной высокой смертности среди военнопленных были инфекционные заболевания) и многократном завышении числа умерших: с 16–20 тысяч, как указывают польские и российские историки, до более 100 тысяч.

„фальсификации истории” соседями, которые отказываются разделять триумфалистскую „освободительную” риторику и придерживаются своего собственного представления об истории XX в., подтвержденно исследованиями независимых историков. Особое возмущение России вызвано десоветизацией символического пространства (в том числе случаями сноса или перемещения памятников „воинам-освободителям”). Официально подчеркивается важность культивирования их памяти как вопроса не только морального, но и политического¹².

В российском нарративе о войне часто появляется тема ответственности Запада (и Польши) за развязывание глобального конфликта, которая используется в качестве инструмента информационной и психологической войны против Запада в XXI в. Такой подход имеет намного больше общего с конфронтационной, антизападнической риторикой времен холодной войны, чем с памятью о совместной с Западом союзнической борьбе против нацистской Германии в 1941–1945 гг. Среди многих официальных заявлений показательной являлась речь Путина на Параде Победы в мае 2015 г. (приуроченная к круглой, 70-й годовщине окончания войны). Шел тогда второй год российской агрессии против Украины, а Россия боролась с западными санкциями и с экономическим кризисом. Путин в своей речи фактически предостерег от повторения сценария конца 1930-х гг., указав на тогдашнее игнорирование „просвещенной” Европой угрозы нацизма, а также призвал к „бдительности” из-за вновь возникающих вызовов. В частности он затронул тему угроз в международных отношениях, создаваемых „силовым, блоковым мышлением” и попытками выстроить однополярный мировой порядок (что являлось явным намеком в адрес Вашингтона), и призвал к „выработке системы равной безопасности для всех государств, системы, адекватной современным угрозам, построенной на региональной и глобальной внеблоковой основе. Только тогда мы обеспечим мир и спокойствие на планете”¹³. Тем самым Путин нарисовал четкую параллель, целью которой было представить современную международную реальность через призму угрозы очередной войны в случае недостаточного учета интересов Москвы коллективным Западом.

12 См. заявление председателя комитета Совета Федерации по международным делам, Константина Косачева: М. Golubkova, *Ob "ávit' vseмирnym naslediem*, 21 XI 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://rg.ru/2019/11/21/rossiia-potrebuuet-priniatii-specialnoj-rezoliucii-oon-ko-dniu-pobedy.html>>.

13 *Reč' prezidenta Vladimira Putina na Parade Pobedy v Moskve*, см.: полныj tekst: электронный ресурс [дата обращения: 10 I 2020]: <<https://regnum.ru/news/1922907.html>>.

Внимания заслуживает явное изменение (по сравнению с советскими временами) российской интерпретации пакта Молотова-Риббентропа, прежде всего его секретного дополнительного протокола. Если власти СССР почти до конца отрицали существование этого протокола, а в 1989 г. Съезд народных депутатов осудил факт его подписания, то в путинской России его советский оригинал был не только впервые опубликован (в 2019 г., в 80-ю годовщину пакта), но и назван некоторыми представителями власти величайшим достижением советской дипломатии. Еще до этого участились случаи его оправдания как вынужденного шага, якобы „форсированного” и спровоцированного антисоветской политикой Запада. Уже в мае 2015 г., во время совместной пресс-конференции с Ангелой Меркель, Путин твердо и недвусмысленно оправдал пакт как имеющий жизненно важное значение для национальной безопасности СССР¹⁴, которому угрожал безответственный подход западных столиц к международным вызовам. Это должно было стать четким сигналом того, что Москва не допустит никаких дискуссий о моральных и правовых аспектах великодержавной политики и не намерена оправдываться; при этом вся ответственность за нежелательные последствия ее политики для других стран должна была лечь на их лидеров, „заставляющих” Кремль принимать меры, необходимые для реализации жизненно важных интересов Российской Федерации.

Таким образом, как агрессивное соглашение, так и его реализация считаются ныне легитимными методами широко толкуемой „защиты”, а превентивное применение силы против других стран рассматривается как законное средство реализации собственных национальных интересов и укрепления собственной безопасности¹⁵. Такой подход имеет потенциально опасные последствия для современной международной политики: „страны, которые прославляют прошлые злодеяния или оправдывают

14 Аналогичная риторика, трактующая об экзистенциальных интересах сверхдержавы в сфере безопасности, применяется к советскому вторжению в Финляндию в ноябре 1939 г., см.: *Putin: SSSR v vojne s Finlândiej hotel ispraviti' ošibki 1917 goda*, 14 III 2013 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://ria.ru/20130314/927341148.html>>.

15 В этом контексте показательной является документальная выставка „Начало Второй мировой войны”, открытая в 2019 г. в Государственном архиве Российской Федерации. Согласно представленной на ней версии событий 1939 г., к войне привело лицемерие и антисоветизм западных стран, что и обернулось срывом довоенных переговоров с СССР, а также отказ Польши пропустить советские войска через свою территорию. СССР представлен на выставке как единственная страна, полностью настроенная на спасение мира от войны.

агрессию, тем самым передают сигналы о том, что такие методы все еще являются допустимыми вариантами в настоящем и будущем, что усиливает международную напряженность”¹⁶.

Вышеуказанные нарративные схемы непосредственно служат конструированию представлений о желаемом международном порядке на европейском континенте. Как сказал спикер Государственной Думы, „сегодня Европа живет потому, что советский солдат и офицер, погибнув, дал возможность ей развиваться”¹⁷. Вместе с попытками создать нравственный образ Советской империи как единственного истинного противника нацизма, цель этого подхода состоит в том, чтобы фактически легитимизировать ялтинскую систему – апогей геополитического влияния России-СССР. Современные геополитические амбиции России относятся к двум основным элементам этого порядка. Во-первых, это идея возвращения к разделению Европы на сферы влияния и передачи ответственности за стабильность этих сфер в руки контролирующих их великих держав (постсоветское пространство трактуется здесь как зона исключительного влияния и привилегированных интересов России, а Центральная Европа – как „буферная зона”, наподобие бывшей „внешней империи” СССР). С этой идеей связан своеобразный подход к пониманию государственного суверенитета, согласно которому только великие державы, располагающие соответствующим военным (ядерным) потенциалом, пользуются полным суверенитетом, в то время как суверенитет других государств по определению ограничен: они обязаны рассматривать интересы великих держав в качестве ключевого ориентира своей внешней и внутренней политики. Другими словами, Россия требует формализации и признания легитимности принципов, которые, хотя де-факто и реализуются в международной политике, в корне противоречат международному праву. На практике, учитывая совокупность контекстов этой риторики, подразумевается, что Россия как правопреемница Советского Союза получит право вмешиваться в архитектуру европейской безопасности – построенную западными интеграционными структурами – во имя „неделимой безопасности” и „стабилизации” международной обстановки. В то же время защитные механизмы, выстроенные российским авторитарным режимом (в том числе стремление усилить

16 E. Langenbacher, *Collective Memory...*, s. 24 [пер. М. Д.].

17 *Vâčeslav Volodin: pravitelâm, kotorye zateâli peresmotr istorii, nikto ne podast ruku*, 21 XI 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<http://duma.gov.ru/news/47049/>>.

контроль над российским информационным пространством), будут блокировать любые попытки Запада повлиять в свою очередь на поведение России, как в ее „сфере влияния”, так и вне ее.

Требование международного признания статуса России как великой державы, со всеми его вышеуказанными последствиями, подкрепляется милитаризацией военной памяти и демонстрациями российской военной мощи. Традиционным поводом являются ежегодные военные парады 9 мая на Красной площади в Москве. Впервые военный компонент был добавлен к этим празднованиям в 2008 г., а во время последней круглой годовщины победы (в 2015 г.) масштаб военного парада оказался беспрецедентным. Вместе с процитированной выше жесткой критикой Путина в адрес Запада военное и моральное измерение победы СССР над Третьим рейхом оказалось включенным в контекст нынешнего противостояния с Западом на фоне российской агрессии против Украины.

Подчеркивание триумфалистских, милитаристских аспектов военной мифологии соответствует доминирующей в официальном нарративе ассоциации борьбы и победы прежде всего с подвигом государства и власти, а в далеко меньшей мере – со страданиями общества. Таким образом, сложный, трагический опыт миллионов граждан сводится к торжественному военному параду. Демонстративное злоупотребление военной и патриотической символикой приводит к ее карнавализации и банализации¹⁸ среди значительной части общества, участвующей в идеологизированных государственных ритуалах. Тем самым в процессе социализации граждане привыкают к идее насилия в сфере внешней политики, к черно-белой картине мира и брутализации дискурса об истории и современности.

Все вышеперечисленные темы и цели использования политизированного нарратива о войне сосредоточились в антиукраинской дезинформационной кампании на рубеже 2013–2014 гг., которая должна была сначала дезавуировать „революцию достоинства”, а затем оправдать вооруженную агрессию России как ответ на европейские устремления

18 Участники массовых мероприятий 9 мая часто одевают детей в военную форму (этот вид одежды становится все более доступным). Детские коляски в виде танков или самолетов также не редкость. В августе 2019 г. участники военно-исторического фестиваля „Днепровский рубеж” устроили для гостей показательную „казнь предателя Родины”, см.: *V Altajskom krae ustroili rekonstrukciu „kazni predatelá”*, 25 VIII 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.svoboda.org/a/30128038.html>>.

Украины. Последние были восприняты Кремлем как серьезная угроза не только реализации российских гегемонистских интересов на постсоветском пространстве, но также стабильности российской системы власти. Прежде всего произошла реактивация эмоциональной нагрузки лексикона „Великой Отечественной войны”. Проевропейских украинцев российские СМИ объявили „фашистами” и „нацистами”, а также „антисемитами”, устраивающими „погромы” (что очевидным образом было рассчитано не только на российскую, но и на западную аудиторию). Тем самым Европейский союз и США были представлены как пособники „нацистов”, пытающиеся дестабилизировать Россию, разжигая очередную (на этот раз „фашистскую”) „цветную революцию” вблизи ее границ. „Профилактическое” вмешательство России во внутренние дела соседнего государства и аннексия чужой территории были представлены как обоснованный ответ на мнимые планы размещения в Крыму военных баз НАТО (хотя эта идея никогда в НАТО не обсуждалась).

С самого начала российская военная агрессия против Украины представлялась официальной пропагандой как миссия по освобождению русского и русскоязычного населения от угнетения „нацистами”, хотя де-факто Кремль рассматривал ее как „прокси-войну” против Запада за господство в российской „традиционной сфере влияния”, в том числе и в плане идеологии. Прозападные стремления украинского общества были тем самым не только проигнорированы (согласно ялтинской парадигме международной политики, где общества являются объектом, а не субъектом политических процессов), но и послужили „доказательством” вечной угрозы для России со стороны Запада. Все это сопровождалось отрицанием самой идеи украинской государственности. Мрачным воспоминанием о 30-х гг. XX в. стал аргумент, высказанный Владимиром Путиным весной 2014 г.: нарушение российских гарантий безопасности, предоставленных Украине в Будапештском меморандуме 1994 г., он тогда оправдывал якобы произошедшим разрывом преемственности украинской государственности в результате „революции”, отменившей все обязательства Москвы перед Киевом¹⁹.

Фактически в 2014 г. Россия реанимировала доктрину Брежнева (доктрину „ограниченного суверенитета”), которая допускала

19 *Vladimir Putin otvetil na voprosy žurnalistov o situacii na Ukraine*, 4 III 2014 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<http://kremlin.ru/events/president/news/20366>>.

вооруженное вмешательство во внутренние дела соседних государств во имя „самообороны” против экспансии враждебной идеологии в собственной зоне „привилегированных интересов”. Сегодня такой зоной признано – в одностороннем порядке – постсоветское пространство, а враждебной идеологией – как и прежде – считается либеральная демократия вместе с демократическими, прозападными „цветными революциями”. Противовесом для них должен стать проект „русского мира”: единого пространства русскоязычной культуры, скрепленного общей историей, в том числе „братством по оружию” во время „Великой Отечественной войны”. Особую роль в этом проекте играют Украина и Беларусь как неотъемлемые (и не вполне суверенные) части „триединого русского народа”²⁰.

Из-за своего сакрализованного характера Великая Отечественная война является своеобразным архетипом всех последующих „оборонительных” войн, в которых участвовали СССР и Россия (в том числе военной интервенции в Сирии в 2015 г.²¹). Их цель всякий раз состояла в предотвращении того, что воспринималось как угрозы, в том числе через превентивные действия на дальних подступах к границам России. В этом контексте в последние годы намечается тенденция возврата к оправдыванию военных интервенций СССР во второй половине XX в., долгое время отсутствовавших в каноне исторической политики. К таким примерам можно отнести две инициативы депутатов Государственной Думы: проект отмены постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., осуждающего ввод советских войск в Афганистан, и проект придания статуса ветеранов боевых действий участникам ввода

20 *Putin: v svoje vremâ ne bylo nikakoj Ukrainy*, 7 VI 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.rbc.ua/rus/news/putin-nikakoy-ukrainy-1559924813.html>>.

21 Объявленная цель российской интервенции в Сирии состояла в том, чтобы организовать „передовую линию обороны” против исламского терроризма, в то время как реальная заключалась в „прокси-войне” против США (нацеленной на предотвращение успеха очередной „цветной революции” и возвращение России в ближневосточную геополитическую игру). Примечательно, что когда в мае 2018 г. в Сирии впервые был организован марш Бессмертного полка, посвященный памяти участников Великой Отечественной войны (такие марши проходят ежегодно как в России, так и за рубежом, в кругах русской диаспоры), помимо портретов участников войны 1940-х гг., были также представлены портреты солдат, погибших в „борьбе с терроризмом”, см.: „*Privodim detej, čtoby oni nezabyvali pro svoi korni*”. *Kak prošel „Bessmertnyj polk” za rubežom*, 8 V 2018 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.gazeta.ru/social/2018/05/08/11744275.shtml>>.

советских войск в Чехословакию²². Показателен в этом контексте и пропагандистский нарратив о венгерском восстании 1956 г. в его 60-ю годовщину. В одной из главных телевизионных программ оно было названо „первой цветной революцией”, к которой подстрекали западные разведки (они якобы „уже в те времена отрабатывали технологию превращения изначально мирного протеста в кровавый хаос”). Участники восстания получили клеймо „нацистов”, а кровавое подавление восстания было определено как „восстановление социалистической законности”²³.

*

Вопреки всем усилиям, военная мифология как инструмент внешней политики России становится все более контрпродуктивной. Хотя во многих странах постсоветского пространства война и Победа являются важным элементом коллективной памяти обществ и исторической политики властей, с 2014 г. усилились попытки переформулировать исторические нарративы в антиимперском духе. Еще меньше положительного резонанса вызывает российский миф о войне среди „коллективного Запада” – в силу существования альтернативного нарратива, сконцентрированного на других аспектах военного опыта и опирающегося на других основаниях (в том числе на свободе исторических исследований и плюралистическом публичном дискурсе). Даже среди российских граждан роль военного мифа как инструмента легитимизации внешнеполитических амбиций государства уменьшается по мере нарастания социально-экономических проблем, заставляющих общество требовать от власти большей заботы о внутренней повестке.

Однако Россия не отказывается от своих амбиций получить особый международный статус, используя тему Победы. В последние годы Москва неоднократно упоминала о необходимости принятия в мае 2020 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, признающей победу над нацизмом и памятники воинам-освободителям частью всемирного наследия человечества (представляя при этом свою инициативу как

22 *Komitet Dumy podderžal projekt zaâvleniâ o peresmotre političeskikh ocenok vojny v Afganistane*, 22 I 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.interfax.ru/russia/647205>>; *Deputaty predložili priznat' učastnikov vvoda vojsk v Čehoslovakiû veteranami boevyh dejstvij*, 6 VI 2016, электронный ресурс [дата обращения: 10 I 2020]: <<https://meduza.io/news/2016/06/06/deputaty-predložili-priznat-uchastnikov-vvoda-voysk-v-chehoslovakiyu-veteranami-boevyh-deystvij>>.

23 „*Vesti nedeli*” s Dmitriem Kiselëvym, Rossija 24 [video], 23 X 2016.

направленную на „предотвращение возрождения нацизма”). В контексте 75-й годовщины окончания Второй мировой войны и на фоне растущих проблем с легитимностью путинского режима следует ожидать усиления нарратива о войне и Победе в качестве своеобразного мифа о вечном возвращении в золотой век утраченной сверхдержавности.

Bibliografia

- Czaputowicz J., *Teorie stosunków międzynarodowych*, Warszawa 2007.
- Deputaty predložili priznat' učastnikov vvoda vojsk v Čehoslovakiû veteranami boevyh deystvij, 6 VI 2016 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://meduza.io/news/2016/06/06/deputaty-predlozhili-priznat-uchastnikov-vvoda-voysk-v-čehoslovakiyu-veteranami-boevyh-deystvij>>.
- Doklad Vol'nogo istoričeskogo obščestva „Kakoe prošloe nužno budušemu Rossii”, 2017, s. 3, электронный ресурс [дата обращения: 10 I 2020]: <<https://komitetgi.ru/analytics/3076/#2>>.
- Domańska M., *Conflict-dependent Russia. Domestic determinants of the Kremlin's anti-Western policy*, OSW Point of View 67, Warsaw 2017.
- Domańska M., *Putinism after Putin. The deep structures of Russian authoritarianism*, OSW Studies, 25 X 2019 [дата обращения: 20 VI 2020], электронный ресурс: <<https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-studies/2019-10-25/putinism-after-putin>>.
- Golubkova M., *Ob'avit' vseмирnym naslediem*, 21 XI 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://rg.ru/2019/11/21/rossiia-potrebuet-priniatiia-specialnoj-rezoliucii-oon-ko-dniu-pobedy.html>>.
- Klaş J., *Muzea historyczne – pomiędzy pamięcią zbiorową a polityką pamięci historycznej*, „Zarządzanie w Kulturze” 2013, 14, z. 3.
- Komitet Dumy podderżał projekt zaávleniá o peresmotre političeskikh ocenok vojny v Afganištane, 22 I 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.interfax.ru/russia/647205>>.
- Langenbacher E., *Collective Memory as a Factor in political culture and international relations*, [in:] E. Langenbacher, Y. Shain (ed.), *Power and the past. Collective Memory and international relations*, Georgetown University Press 2010.
- Malinova O., *Tema prošlogo v ritorike prezidentov Rossii*, „Pro et Contra”, май–август 2011 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <https://carnegieendowment.org/files/ProetContra_52_106-122.pdf>.
- Putin: SSSR v vojne s Finlándiej hotel ispravít' ošibki 1917 goda, 14 III 2013 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://ria.ru/20130314/927341148.html>>.
- Putin: v svoe vremá ne bylo nikakoj Ukrainy, 7 VI 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.rbc.ua/rus/news/putin-nikakoy-ukrainy-1559924813.html>>.
- „Privodim detej, čtoby oni ne zabyvali pro svoi korni”. Kak prošel „Bessmertnyj polk” za ru-bežom, 8 V 2018 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.gazeta.ru/social/2018/05/08/11744275.shtml>>.
- Reč' prezidenta Vladimira Putina na Parade Pobedy v Moskve, polnyj tekst см.: электронный ресурс [дата обращения: 10 I 2020]: <<https://regnum.ru/news/1922907.html>>.

Maria Domańska

Strategiâ nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda, 13 V 2009 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<http://kremlin.ru/supplement/424>>.

Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, stat'â 354.1. Reabilitaciâ nacizma (vvedena Federal'nym zakonom ot 5 V 2014 N 128-FZ). <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/>.

V Altajskom krae ustroili rekonstrukciû „kazni predatelâ”, 25 VIII 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<https://www.svoboda.org/a/30128038.html>>.

Vâčeslav Volodin: pravitelâm, kotorye zateâli peresmotr istorii, nikto ne podast ruku, 21 XI 2019 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<http://duma.gov.ru/news/47049/>>.

„Vesti nedeli” s Dmitriem Kiselëvym, Rossiija 24 [video], 23 X 2016.

Vladimir Putin otvetil na voprosy žurnalistov o situacii na Ukraine, 4 III 2014 [дата обращения: 10 I 2020], электронный ресурс: <<http://kremlin.ru/events/president/news/20366>>.